

W

СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА

II

НОЯБРЬ

1970

Академия педагогических наук СССР

СОВЕТСКАЯ ПЕДАГОГИКА

ГОД ИЗДАНИЯ
ХХХІV

II

НОЯБРЬ

14085/1225 эк. е.
Республиканський педагогічний музей
БІБЛІОТЕКА

Издательство
«ПЕДАГОГИКА»
МОСКВА · 1970

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ И ПРОГРЕССИВНЫЕ ПЕДАГОГИ УКРАИНЫ

А. Р. Мазуркевич

Действительный член Академии педагогических наук СССР

Педагогические идеи выдающегося славянского педагога Яна Амоса Коменского были созвучны прогрессивным украинским современникам. Киевский ученый Г. Флоринский характеризовал Коменского еще в конце прошлого столетия (1892) как одного из крупнейших и гуманнейших просветителей человечества, который нес «светоч истинного знания, горячую проповедь любви к человеку и полную готовность беззаветно трудиться на пользу умственного и нравственного обновления народов без различия веры и национальностей». В своих выводах Г. Флоринский подчеркнул, что «значение идей Коменского не может быть ограничено пределами времени».

Советская писательница Мариэтта Шагинян, внесшая оригинальный вклад в комениологию, не случайно называет Коменского «отцом современной педагогики», «великим чешским мыслителем». Таким утвердила его история, таким вошел он в летопись великого братства народов. Чешская педагогика и чехи-учителя, как справедливо утверждает Мариэтта Шагинян в одном из своих «Чехословацких писем» («О детях и молодежи», Прага, 1955), были известны у нас издавна. У чехов, замечает она, была слава «лучших классиков в Европе», т. е. лучших специалистов по преподаванию языков. Но самой высокой их традицией стала дидактика великого педагога-мыслителя.

Еще в преддверии своего учения, в «Дидактике чешской» («Didaktika česká», 1628—1630) Коменский поднял тот круг основных вопросов, которые равернувшись в полном виде в «Великой дидактике», дали богатые всходы последующей педагогической мысли славянских народов и человечества. И если «Дидактику чешскую» профессор Д. О. Лордкипанидзе назвал, фигурально выражаясь, матерью «Великой дидактики», то последнюю с полным основанием можно назвать крестной прогрессивной педагогики наших братских народов.

Уже при жизни Коменский был известен среди русских, украинцев и белорусов как видный педагог-просветитель. Не удивительно, что учителя братских школ на Украине, воспитанники Киевского коллегиума и их воспитатели — выдающиеся ученые своего времени — стали первыми последователями и популяризаторами педагогических идей Коменского. Особенно плодотворное влияние на развитие педагогической мысли на Украине имела весьма популярная в братских школах его «Великая дидактика». Усилению этого влияния способствовала переписка великого чешского педагога с прогрессивными деятелями украинских братских школ.

Осуществленные в последнее время на Украине исследования новых источников подтверждают правильность выводов Е. Н. Медынского об общности трактовки педагогических вопросов в «Великой дидактике» и в братских школах. Эта же общность прослеживается и по другим тру-

дам Коменского, созданным в период нахождения его вблизи братских школ, особенно в Лешно, в годы наибольшего расцвета их деятельности. Путем тщательного анализа, текстуальных сопоставлений Е. Н. Медынский установил, что «многие высказывания Коменского имеют бесспорные следы влияния украинских и белорусских братских школ на его педагогическую систему». Но здесь не было односторонности — происходил процесс взаимного обогащения. Исследователь этой проблематики Я. Д. Исаевич вносит необходимое уточнение: сходство многих высказываний Коменского и уставов братских школ наблюдается в тех вопросах, которые составляют общее приобретение гуманистической школы в разных странах Европы. Творчески используя это наследие педагогики гуманизма, «братства, как и позже Коменский, внесли немало оригинальных идей, обогатив тем самым передовую педагогическую мысль». (Братства та їх роль в розвитку української культури XVI—XVIII ст. К., виз. «Наукова думка», 1966, стр. 155).

Доказательны и суждения Б. Н. Митюрова в его исследовании «Развитие педагогической мысли на Украине в XVI—XVII вв.» (Радянська школа, К., 1968 г.) о взаимном влиянии: с одной стороны, теоретической мысли педагогов и опыта работы братских школ Украины на педагогические взгляды Я. А. Коменского и, с другой, идей Коменского на украинских учителей того и последующих времен. Здесь мы ограничимся лишь кратким перечнем некоторых созвучных мыслей и взглядов украинских братских школ с идеями Коменского.

Такое единство наблюдается прежде всего в требованиях к учителям и к постановке дела обучения (достаточно сравнить, например, «Законы хорошо организованной школы» Коменского и «Устав Львовской братской школы»).

Известно, что в эпоху темноты и невежества, бесчеловечной эксплуатации трудящихся светскими и духовными феодалами Коменский смело провозгласил идею всеобщего обучения. В своей «Великой дидактике» он утверждал, что «всем рожденным людьми безусловно необходимо воспитание для того, чтобы они были людьми, а не дикими животными, не неподвижными колодами». Великий славянский педагог предлагал открыть общедоступные школы, в которых на равных правах, как к этому стремились в братских школах Чехии, Украины и Белоруссии, обучались бы все дети. Он подчеркивал необходимость обучения и девочек, ибо женщины, как и мужчины, одарены быстрым и восприимчивым умом.

Подобные устремления чешского просветителя, естественно, были созвучны идеалам прогрессивных украинских педагогов. Стоит лишь сравнить требование Коменского «всех учить всему» с проповедью ректора Острожской Академии Герасима Смотрицкого «Ключ царства небесного...» (1587 г.), или же с трудом Иннокентия Гизеля «Мир человека с богом», или с книгой «Инфика иерополитика» (раздел «Академия или училище») и т. д.

Известно, что величайшим педагогическим открытием Коменского было обоснование им классно-урочной системы обучения. В педагогическом опыте, накопленном в братских школах, он рассмотрел не только контуры этой системы, но и теоретически обосновал и практически разработал ее в конкретных деталях.

Знаменательно единство чешского педагога и его украинских современников в дидактических требованиях к обучению. Ян Амос Коменский считал, например, что «каждое правило должно сопровождаться многочисленными примерами, чтобы стало достаточно ясным, как разнообразно его применение». «Устав Львовской братской школы» также требовал учить «рассуждать и разуметь».

Несомненно, общими являются также требования систематичности и последовательности в обучении (и Коменский и Мелетий Смотрицкий

выдвигали требования: «разуметь умом словеса», «зри, внимай, рассмотри, памятуй»), равно как и глубины и прочности усвоения, трудолюбия в учебной работе, осознания полезности учения.

В дидактическом плане совпадают и требования к учителю. Высоко поднимая роль педагога, Коменский говорил: «Что такое невежественный учитель, пассивный руководитель других, как не тень без тела, облако без дождя, источник без воды, лампа без света, следовательно, — пустое место. Да будет ему стыдно! Ты изображаешь собой учителя — так учи, или сложи с себя эту маску». Известно, что такие же строгие требования к учителю предъявляли и прогрессивные украинские современники и последователи Коменского.

Значительное место в учении Коменского занимал принцип наглядности, названный им «Золотым правилом». К сожалению, и ныне не всегда учитывается специфический характер этого принципа. Между тем еще в предисловии Шадена к повторному изданию «Видимого света» (1768) указывалось, что сочинения Коменского даются в пользу юношеству, чтобы через «вещи, чувствам подлежащие», не только «ум просвещать», но и «остроумие в детях от времени до времени изощрять». Автор предисловия отмечал, что хорошие рисунки возбуждают внимание, являющееся матерью учения, а плохие портят вкус и приносят больше вреда, чем пользы. Он рекомендовал в каждой хорошей школе вместо книжных «худых украшений» иметь хорошие рисунки, натуральные вещи, раскрашенные фигуры, модели и т. д.

Еще за 13 лет до высказанного Гизелем (1645) утверждения, что образы чувственного познания составляют необходимое условие возникновения четких понятий, так как «ничего нет в интеллекте, чего бы не было в чувстве», Коменский в «Великой дидактике» (1632) обратил внимание на то, что «ничего не бывает в сознании, чего бы ранее не было в ощущениях». Подобное же изречение — «Нет ничего в уме, чего раньше не было бы в ощущении» — находим и в более ранней работе Коменского «Спорные вопросы, избранные в саду философии», написанной за 32 года до приведенного изречения Гизеля.

Такое совпадение Б. Н. Митюрлов не без основания считает «еще одним свидетельством того, что «Великая дидактика» Коменского была уже хорошо знакома профессорам Киевской коллегии». Как убедительно показал в своем исследовании Б. Н. Митюрлов, видные учителя братских школ Украины в своих психолого-педагогических взглядах, обосновывавших дидактический принцип наглядности, также сходились с основным направлением учения Коменского. Подобно ему, украинские педагоги считали основным средством познания окружающего мира органы чувств. В «Зерцале богословия» Кирилл Ставровецкий утверждал, что при помощи «пяти чувств» человек воспринимает весь окружающий его мир. В «Обеде душевном» Симеон Полоцкий писал, что основой познания являются ощущения, проникающие в сознание человека через органы его чувств. Когда невещественная сущность, по наблюдению Полоцкого, объясняется через пример или сравнение, ум лучше воспринимает ее. Убедившись, что познание идет быстрее «через образы, нежели учением языка», он советовал «учить образом или делом», а не только одним словом. Необходимость наглядности обучения еще более четко была выражена в лекциях, читанных в Киево-братской коллегии, например, Иннокентием Гизелем.

В «Чехословацких письмах» Мариэтты Шагинян приводится один из многих красноречивых фактов. На заре прошлого века, в 1822 г., в С.-Петербургской типографии Департамента народного просвещения России был напечатан «знаменитый учебник» с картинками «Зрелище вселенные на латинском, российском и немецком языках». Сделаем необходимое уточнение: это было уже восьмое издание на русском языке. Впервые учебник Коменского был напечатан в типографии Московского

университета (изд. Вебера) в 1768 г. под названием «Видимый (свет), на латинском, российском, немецком, итальянском, французском языках, с реестром самых нужнейших российских слов», в переводе проф. Шадена и с предисловием проф. Чеботарева. Затем, в 1773 г. в С.-Петербурге под заглавием «Свет зримый в лицах» (перевод с немецкого И. Хмельницкого), в 1789 г. — то же «вторым тиснением», в 1805 г. — третьим, в 1817 г. — четвертым. Но еще в 1788 г. Северная столица преподнесла народным училищам Российской империи «Зрелище вселенная на латинском, российском и немецком языках», в 1793 г. — «вторым тиснением», в 1822 — в упоминаемом М. Шагинян. Параллельно учебник Коменского «Зрелище вселенная» вышел в С.-Петербурге двумя изданиями — на французском, российском и немецком языках, переработанный Ф. И. Янковичем де Мириево (1788, 1793).

В предисловии к упоминаемому в «Чехословацких письмах» изданию говорилось, что учебник выходит «для желающих учение свое продолжать в высших училищах, как-то: гимназиях или университетах», и предназначается «для народных школ». Этот учебник включает в себе много образцового и для современных учебников — «так чудесно, — по определению М. Шагинян, — ясны его гравюры, сопровождающие каждую главу — страничку, и так поучительно «по-Маяковскому» расположены отдельными строчками каждое слово, а иногда — группы из нескольких слов и соответствующие им в следующих колонках переводы».

Этот учебник, как и «Устав материнской школы», имел огромное влияние на развитие не только чехословацкой педагогики, как вполне резонно отмечает М. Шагинян, но и мировой прогрессивной педагогической мысли.

Педагогические идеи Яна Амоса Коменского, известные в России не только со времени перевода его трудов на русский язык, но и с самого начала появления этих трудов в оригиналах, естественно, оказывали свое влияние на изучение словесности в школах Украины. В работе «О чешской поэзии» (*O pœzi české*), подчеркнув величие родного языка, Коменский раскрыл сущность поэзии и некоторые принципы построения стиха. Его теоретические обобщения и практические рекомендации в своей основе сходятся со взглядами на поэтику, ее изучение и применение, отличавшими прогрессивную часть учителей братских школ того времени.

Преподавание славянско-русской словесности в братских школах Украины, противопоставлявшей «чужой латыни», явилось ареной острой борьбы против иезуитов, вдохновлявшихся папой Римским. В этом процессе важную роль сыграл современник Яна Амоса Коменского, видный украинский просветитель — Мелетий Смотрицкий. Еще в 1619 г. он создал школьный учебник «Грамматики словенския правильное синтагма...», ставший одним из первых учебных пособий молодого М. В. Ломоносова, «вратами его учености», по его же выражению. Познакомившись с грамматикой Смотрицкого еще в отроческие годы, М. В. Ломоносов не расставался с нею до конца жизни, хранил ее в своей библиотеке, частично включал в свою «Российскую грамматику», исправлял допущенные «погрешности», обращался к ней в ряде своих произведений (в «Письме о правилах российского стихотворства», «Российской грамматике», «Материалах к «Российской грамматике»). Грамматика Смотрицкого оказала большое влияние на преподавание словесных наук в братских и других школах, на разработку их методик. Вопреки необоснованному утверждению комментатора к 7-му тому Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова будто грамматика Смотрицкого вся была «пронизана схоластикой», — лучшими своими сторонами она, наоборот, противостояла схоластике.

Достигшие в это время наибольшего распространения на Украине «азбуковники» — преимущественно рукописные справочники энцикло-

педического и учебно-воспитательного характера, предназначенные в основном для начального обучения,— стали предметнее объяснять элементарные понятия логики и риторики, давать методические советы по их усвоению и сопровождать их иллюстративным материалом для чтения и школьного разбора. В некоторых азбуковниках встречались не только отдельные сведения, но и объяснения структуры курса логики и риторики, системы методов преподавания, свода правил. Тут же рядом помещались материалы в помощь детскому чтению и пособия для самих учителей. В этом отношении примечателен «Лексикон словенороссийский и имен толкование» еще одного выдающегося деятеля украинской культуры XVII в. Памвы Беринды, напечатанный в Киеве в 1627 году. Как известно, он длительное время служил пособием для изучавших литературу на славянском языке не только на Украине, но и в России, и в Белоруссии. По свидетельству А. М. Горького, им пользовались и во второй половине XIX ст.

В том же направлении действовали на Украине и другие выдающиеся современники и последователи Коменского. Издавший в Киеве и во Львове свой труд «Ключ разумения» (1659) Ионний Галятовский страстно защищал школьную словесность от пагубного влияния унии и католицизма, учитывая при этом народные потребности и нужды. В своем теоретическом пособии по риторике он разработал методы овладения «искусством творчества». Вопросы поэтики и риторики разрабатывались и Лазарем Барановичем (1674). Такое же значение имели и труды Иннокентия Гизеля, справедливо названного «духовным светочем» своего времени.

Подобное созвучие наблюдалось и после смерти Коменского. Это особенно заметно в трудах бывшего воспитанника, а затем учителя и ректора выросшего из братских школ Киево-Могилянского коллегиума (с 1701 г.— академии), последователя Коменского, выдающегося русского ученого-педагога и писателя Феофана Прокоповича (1681—1736). Педагогические взгляды Коменского оказали на него непосредственное влияние. В составленном из курса прочитанных студентам Киево-Могилянской академии лекций по теории поэзии трактате «De arte poetica. Libri III ad usum et institutionem studiosae juventutis kioviae in irthodoxa, academia Mohyleana». «О поэтическом искусстве. Три книги для пользы и наставления учащегося русского юношества, преподанные в Киеве в православной Могилянской академии» (1705) Феофан Прокопович продолжил и далее развил начатую почти одновременно великим чешским, русскими и украинскими педагогами разработку теории и методики словесности, постепенно очищаемой от налета средневековой схоластики и догматизма.

Как известно, Коменский решительно выступал против мертвящей схоластики и зубрежки. Отбрасывая схоластическое книжное обучение, он советовал знакомить детей с природой, с обществом, с людьми, их жизнью и окружающим миром, учить их проникать во внутрь души, чувствовать, мыслить, постигать, воссоздавать, творить. Достигается это, по его убеждению, не путем зазубривания или механического чтения текстов Аристотеля или кого-либо другого, а творческим воплощением жизненного опыта. Нужно, чтобы люди, насколько это возможно, приобретали знания не просто из книг, но из неба и земли, из дубов и буков; необходимо ребенка знакомить с самими вещами и явлениями, а не только с чужими суждениями и свидетельствами о них.

Подобно Коменскому, Прокопович в своем курсе логики ломал обветшалые, застоявшиеся, графариетные приемы школьного обучения словесности, порожденные казуистикой и формализмом. Известно, что в школах, где господствовала такая «педагогика», схоластически «дрессировали рассудок учащихся», играли лишенной смысла графической

формой, которая культивировалась в средневековой латинской поэзии, сочиняли на латинском и даже славянских языках различные эпомонеоны («симфонические стихи»), части которых общие по форме, нередко были различными, противоположными по смыслу. В отличие от схоластов, Прокопович рассматривал поэтическую форму во взаимосвязи с содержанием. Он утверждал, что «стихотворная форма есть как бы повозка или триумфальная колесница», на которой «многообразное изображение предметов», составляющее содержание произведения, «несется ввысь и повсюду встречает все большее одобрение» (Сочинения. М. — Л., АН СССР, 1961, стр. 394).

Автор киевской пиитики, придерживаясь философии, которую еще Аристотель назвал «судьей и руководительницей всех искусств и наук» и которая «не допускает в число Муз» произведения вредные для нравственности, заботился о том, как помочь учащимся разобраться в читаемом. Одним из выражений такой заботы был его внушительный совет учащемуся критически относиться к читаемому произведению.

В «Духовном регламенте» Прокопович сформулировал свой главный дидактический принцип: «доброе и основательное учение», составляющее «корень, семя и основание всякой пользы для отечества» и не знающее предела («истинно просвещенный человек никогда не имеет сытости в познании своем; он никогда не перестанет учиться»). Прокопович выступал против поверхностного усвоения «словесных наук», считая особенно недопустимым, когда «сам учитель в деле своем знает весьма мало или же вовсе ничего не знает». Дидактическим принципом Прокоповича соответствовали и его методические приемы. Он стремился к тому, чтобы слово учителя и содержание учебника всегда доходили до сознания ученика, поддавались сознательному усвоению, а не схоластической зубрежке, чтобы ученик связывал изучаемое с задачами современности. Отстаивая принцип сознательности обучения, Прокопович тем самым продолжал и развивал лучшие, прогрессивные традиции братских школ и учение великого чешского педагога.

При всем этом следует иметь в виду, что, являясь гуманистом-просветителем, страстным врагом невежества, обскурантизма, организатором «ученой дружины», Прокопович в то же время сам был воспитанником схоластической школы и религиозно-церковная схоластика сказывалась в его идеологии. Точно так же в предшествовавших ему братских школах преподавание не было свободно от схоластики, зубрежки, методического шаблона.

И все же, при всех присущих им противоречиях и исторически объяснимой ограниченности, украинские братские школы и их лучшие учителя, воспитанники и последователи имели несомненно прогрессивное значение: они жадно искали и нередко правильно нащупывали оригинальные пути достижения учебно-воспитательных целей, вводили новые в то время элементы классно-урочной формы занятий, стремились к демократизации школы и массовости обучения. Такова была естественная связь между «Великой дидактикой» (1633—1638) и «Духовным регламентом» (1720—1721).

Педагогические идеи Яна Амоса Коменского получили отражение в педагогических взглядах и просветительной деятельности одного из его последователей на Украине — Григория Саввича Сковороды (1722—1794), который, по определению некоторых советских исследователей, явился предшественником педагогических идей Шевченко, Ушинского, Пирогова. Мысли Сковороды во многом созвучны учению Коменского. Так, отстаивая право каждого народа на научный прогресс и его результаты, требуя развития науки и просвещения на родной земле, Ян Амос Коменский обращался к своему народу со страстным вопросом, до каких пор он будет доставать хлеб и воду от других, жаждать чужих школ, книг и дарований, почему не развивает свою

национальную культуру, почему не подготавливает дома обильных духовных жатв, почему охотно подбирает чужие колосья. Григорий Сковорода во весь голос пламенного просветителя своей эпохи обратился к родному народу и другим славянским народам с призывом не ограничиваться хождением за огнем к соседям, а самим взять кремень и огниво и добывать его своими силами. Созвучие вполне закономерное.

Примечателен такой факт. В составленном в 1769 г., когда Г. Сковорода был еще связан с Харьковским коллегиумом, каталоге книг библиотеки этого просветительного очага значилась книга Яна Амоса Коменского, изданная в Амстердаме в 1657 г. Обнаружив этот документ, нынешняя исследовательница литературного творчества в просветительной деятельности Сковороды — доцент Харьковского университета А. М. Нижинец установила, что в инструкции С. Миславского, современника Сковороды, составленной в том же 1769 г., нашли свое воплощение педагогические идеи Коменского — осмысленное изучение предусмотренного программами материала, приближение содержания школьных предметов к потребностям жизни и задачам общества. О С. Миславском, как последователе педагогического учения Я. А. Коменского, интересное и весьма достоверное свидетельство находим и в «Энциклопедическом словаре» издания Ф. К. Брокгауза и И. А. Ефрона. Здесь сообщается, что «Самуил (в мире Симеон Миславский) — духовный писатель... На кафедре он держался метода Амоса Коменского... Его «Латинская грамматика», изданная в 1765 г., долго считалась лучшим руководством. Составленная им в бытность ректором инструкция вводила определенный порядок во внешнюю и внутреннюю жизнь академии... он явился деятельным проводником преобразовательных идей... Он ввел изучение русского языка и русской словесности, признавая образцовым писателем Ломоносова; включил в программу академии общеобразовательные предметы (математику, историю и географию)...» Именно эту многосторонность обучения и воспитания унаследовал киевский педагог от Я. А. Коменского.

У Коменского все мысли целеустремлены и сосредоточены вокруг основного, ведущего, главного, составляющего как бы ядро. Очень точно это подмечено в «Чехословацких письмах» М. Шагинян: «У Яна Амоса Коменского всю его жизнь была одна глубокая страсть — облегчить человечеству познание все растущих и растущих научных фактов путем выделения из них того основного, без знания чего нельзя обойтись человеку, если он хочет узнавать дальше и больше. Эта страсть знакома каждому энциклопедическому уму, она двигала когда-то Дидро и Д'Аламбером в их работе над энциклопедией, увлекала нашего Ломоносова в его тщательной разработке университетских программ; и она помогла Коменскому создать методику отбора главного от неглавного, изучить которую полезно по его учебникам и сейчас».

Здесь же обращается внимание на то, что «есть и еще одно положение в материалистической педагогике Коменского, звучащее сейчас на его родине особенно свежо и злободневно. Это положение заключается в том, что всюду и везде, говоря об учении, Коменский ставит рядом с ним обязательную выработку в учащихся умения применять полученное ими знание на практике. Убедительно подтверждается это хотя бы такими мыслями выдающегося педагога: «К познанию надо присоединить подготовку к деятельности, в чем необходимо упражнять наших учеников, то есть к познанию вещей нужно прибавить практическую деятельность... Без этой деятельности даже человек, знающий вещи, будет неумело вращаться среди вещей...» Поэтому Коменский предостерегал: «чтоб чего-либо подобного не случилось с учениками», педагоги должны добиваться, «чтобы никто из обучающихся... не был выпускаем, прежде чем он не будет самым лучшим образом напрактикован в тех видах деятельности, которые требуют особенной предусмотрительности,

чтобы наши ученики... учились не для школы, а для жизни». Только при таком условии, по убеждению великого чешского педагога, из школы смогут выйти «юноши деятельные, на все годные, искусные, прилежные, такие, которым со временем можно будет без опасения доверить всякое житейское дело» (Я. А. Коменский. Избранные педагогические сочинения, т 2., М., Учпедгиз, стр. 148).

Много общего между Коменским и украинскими педагогами того времени мы видим и в определении роли воспитания и наследственности в формировании личности человека. В «Великой дидактике» Коменского и в предисловии к «Апостолу», изданному в 1666 г. во Львове, находим совпадение, например, высказываний о врожденных идеях. Близки к идеям Коменского и мысли о решающем значении воспитания в формировании личности, высказанные К. Ставровецким, С. Полоцким и др. С. Полоцкий в этом отношении был непосредственным последователем Коменского, он принимал его положение, уподобляющее «разумы отроков юных... неписанной скрижали, на которой учитель когда что-либо хочет написать, то может...» («Хрестоматія з Історії втчизняної педагогіки». К., 1961, стр. 40). Много сходства у них и в определении возрастных особенностей воспитания. Наблюдается и тождество в трактовке элементов природоспособности.

В «Чехословацких письмах» М. Шагинян особо подчеркивает идеи Яна Амоса Коменского о многостороннем воспитании, его мысли о введении разнообразных предметов во всех четырех классах «Пансофической школы». В изданиях в СССР (в переводе с латинского) педагогических сочинениях великого дидакта Шагинян выделяет весьма красноречивое высказывание: «В древности было мудрое правило, чтобы юношество... начинало с изучения числа и меры и предварительно упражнялось в этом... Чтобы вместе с буквами дети учились также писать, выговаривать и понимать числа. Из геометрии мы не даем им ничего, — мы только заставляем их рисовать точку и линию; из музыки — шкалу тонов и ключей вместе с солфеджиями. Ибо нельзя допустить, чтобы питомцы муз были не сведущи в музыке; потому-то некогда Фемистокл, оттолкнувший лиру, считался необразованным человеком».

Обширное педагогическое наследие Коменского, его идеи о неразрывности воспитания и образования, о повторном, все более углубленном прохождении научных циклов на каждой ступени образования, как и требование включить музыку в круг обязательных предметов школьной программы, оказали огромное влияние на педагогическую мысль человечества и наиболее близких ему славянских народов.

Во всех своих научных трудах и в практической деятельности Коменский тщательно разрабатывал содержание, формы и методы гуманного воспитания детей. Его цель — воспитание полноценного человека. Школа, по его мысли, призвана стать местом серьезного и приятного умственного и физического труда. Учитель, обучая детей на родном языке, обязан умело связывать знания с жизнью, с практическими потребностями личности и общества. Осуществлению этой возвышенной цели Коменский подчинял все способы и средства обучения и воспитания. Это последовательное устремление учения к жизни получило непосредственное отражение в трудах современных Коменскому славянских педагогов. Развивая его традиции, прогрессивная педагогическая мысль на Украине решительно противостояла антинародной иезуитской педагогике и сыграла свою важную роль на одном из важнейших исторических этапов общественной жизни, когда решалась судьба украинского, как и русского, белорусского и других братских народов нашей страны.

Педагогическое наследие Коменского — золотой фонд прогрессивной мировой педагогики. Его произведения вызывают у нас глубокие раздумья, стремление к творчеству, к совершенствованию форм, методов и приемов воспитания подрастающих поколений строителей коммунистического общества.